

† Профессиональное кредо

Интервью с проф. В.Л. Рабиновичем

Уважаемые читатели!

Предлагаем Вам познакомиться с материалами интервью с В.Л. Рабиновичем, которое состоялось 21 февраля в помещении Института философии РАН. Ученый, поэт и гражданин – так бы мы определили жизненную позицию Вадима Львовича Рабиновича, доктора философских наук, профессора, заведующего сектором «Языки культуры» Российского института культурологии, главного научного сотрудника Института философии РАН, профессора философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, члена редакционного совета нашего журнала. Всех его званий и должностей не перечислить. Но не это главное.

Главное, что перед нами – очень яркая, самобытная и талантливая Личность с присущим ей неповторимым стилем жизни и творчества.

20 февраля Вадиму Львовичу исполнилось 70 лет. Он по-прежнему находится в расцвете своих творческих сил. От имени редакционного совета и редколлегии журнала хочу сердечно поздравить Вадима Львовича Рабиновича с юбилеем и пожелать ему дальнейших творческих достижений, а также новых книг, стихов и встреч.

Резник Юрий Михайлович: Вадим Львович! Многие известные люди в моменты юбилейного торжества, отмечая великое множество своих свершений и побед, затрудняются порой ответить на вопросы: Кто же Я? Что я собой представляю как Личность? Не как руководитель, ученый, политик, мужчина, семьянин и пр. А именно как Личность. Разумеется, это не относится к Вам. Имея широкую известность в философских и поэтических кругах, Вы обладаете вместе с тем удивительным свойством – способностью видеть себя сквозь призму эпохи, истории, культуры, страны, мира. В своем, ранее изданном интервью, Вы подчеркиваете, что Ваша личность есть «непрерывное самоизменение, втиснутое в рамки идентичности». Личность человека уникального, а следовательно, и исторического, образ мира которого совпадает с его внутренним миром. Разумеется, бытие Слова (Имени), нестованию которого Вы посвятили себя и свое творчество, и есть во многом Ваше собственное бытие. И все же, что несет в себе «Я» Рабиновича?

Рабинович Вадим Львович: Во-первых, я бы немного поправил ваш вопрос, хотя Вы и правильно его сформулировали. Но дело в том, что когда

встречаешься с конкретным человеком, которого интервьюируешь, задаешь вопросы, то невольно переносишь общие определения конкретно на него, что не всегда совпадает. Потому что одно дело, определение личности вообще, другое – принять за определение личности определение именно его личности. Так может произойти смещение. Да, я подчеркивал, что личность есть непрерывное самоизменение, втиснутое в рамки идентичности. Я действительно это говорил, но это про личность вообще, а, разумеется, не про свою собственную. Потому что каждый раз, когда человек должен оценить себя в качестве личности, он, конечно, исходит из чего-то общего, как он это понимает. Но это общее не всегда совпадает с тем, что он есть на самом деле, тем более для самого себя, потому что увидеть себя в точности, как будто со стороны вообще невозможно. Человек, как вы говорите, больше чем он сам есть и вместе с тем меньше, чем он сам есть. Вообще событие имени (так я хочу назвать свою новую книгу стихотворений) – это гораздо больше, чем само имя, которое, по сути, есть всего лишь знак, и вместе с тем гораздо меньше, чем это имя, потому что знак выходит за пределы самого себя, так как объемлет разного рода контексты. Поэтому имя – это очень интимное и в этом смысле уникальное и именно поэтому это – событие. И вместе с тем – значок, мимо которого можно пройти, можно обойти вниманием, можно задеть, можно в память записать. Вникая в суть этого вопроса, для меня в данном случае это интервью есть как бы маленькое исследование самого себя.

Исследовать самого себя на коротком пространстве очень трудно, но задача как раз это предусматривает. И поэтому вы задали мне труднейшую задачу – уложиться в какое-то короткое время, сказать что-то очень точное про себя, а если точное про себя, то я должен этому удивиться, для меня это не должно быть заранее подготовленным. Вот почему я рад не готовиться к этим вопросам заранее, что доставляет мне огромное удовольствие, поскольку вынуждает снова взяться за мое любимое дело – импровизировать. Что несет во мне мое «Я»? Понимаете, мое «Я» может осуществляться совместно с другими «Я». Одно «Я» самое по себе существовать не может. Когда все другие «Я», окружающие меня, не будут испытывать негативных эмоций в общении со мной, т.е. с моим «Я», то и мое «Я» будет в какой-то мере осуществлено. Но если мое «Я» будет другим в тягость, то это будет «сверх Я», что нехорошо и никакого удовольствия мне от этого не будет, поскольку я – человек не властный. Но если другие «Я» будут в полном союзе с моим «Я», то оно тоже ничего значить не будет. Поэтому в этом случае про мое «Я» лучше было бы спросить у тех людей, которые меня знают, сотрудничают, окружают и т.д. Но мне кажется, я не самый плохой человек в этом мире, в этом сообществе. (Должен заметить, что к себе отношусь хорошо.)

Ю.М.: Для меня Вадим Львович Рабинович – каждый раз новое или самовозобновляющееся событие, к которому прикасаешься как источнику родниковой воды, всегда холодной, свежей и чистой. Но это мое личное, а следовательно,

сугубо субъективное восприятие. Восприятия не субъективного, наверное, не бывает. Событие содержит в себе моменты открытия («приоткрывания») нового и приобщения к чему-то важному и значимому. Если признать, что событие есть также бытие человека, явленное другому (в т.ч. ему самому человеку как другому), значимое для него и окружающих его людей, то, что в этом случае для Вас лично означает «быть Рабиновичем»?

В.Л.: Получается такая вещь, которая меня не интересовала бы никогда, если действительно еврейский вопрос и моя фамилия не были достаточно одиозны, в частности в нашей стране. Я бы никогда не знал, что я – Рабинович, что это должно звучать как-то ущемленно, иронично и т.д., потому что многие коллективы, в которых я жил, не знали этой проблемы. В Институте человека РАН эти моменты конечно встречались, но я бы с ними связал только двух людей, называть которых не буду, т.к. они этого не стоят и для меня в этом качестве не существуют. В каких-то других качествах существуют (например, некоторые из них ведут методологические семинары). Но в целом люди этого коллектива интернационально относятся друг к другу. Так было в Сызрани, где прошло мое школьное детство, так было и на заводе в г. Данкове, так было и в Институте истории естествознания и техники, где я сталкивался с другими достаточно отвратительными вещами, но, во всяком случае, не с этим.

Но государственная политика была такова, что оставляла желать лучшего. И поэтому трудности, безусловно, были, но в политическом плане они теперь почти в прошлом. Я об этом говорить не буду, потому что не это сделало меня таким Рабиновичем, у которого сейчас берут интервью. Главное, быть самим собой, а это значит прийти в этот мир с собственным жестом, ни на кого похожим.

Ю.М.: Изменилось ли Ваше представление о самом себе за последние годы? Кто Вы сегодня? Поэт-философ или философ-поэт? Человек, осмелившийся мыслить себя в контексте истории, или человек, создающий историю через (посредством) творения образов и понятий (образов-понятий)? Можно ли выразить Ваше самоощущение в данный момент Вашей жизни?

В.Л.: Вот Вы спрашиваете, я – философ-поэт или поэт-философ? Могу сказать, что ни то, ни другое. Больше того, я затрудняюсь сказать, что я поэт, и еще более затрудняюсь сказать, что я философ. Я бы хотел быть философом и поэтом, но по отдельности, потому что когда это вместе, то в какой-то мере это ни то, ни другое. Так получилось в моей жизни, что я работаю доктором философских наук и умею сочинять стихи, так сказать, стихотворец. С другой стороны, я себя так называть не могу, потому что должен заметить, что в Средние века со званием было очень экономно. Например, Философ был только один – Аристотель, Академик тоже один, его и звали Академик. Это – Платон. Комментатор тоже один, Учитель тоже один, из Галилеи. Даже докторов было меньше, не было докторов математических, химических и тем

более философских наук. А были совершенно другого рода звания, например, доктор miralibus – это удивительный доктор, доктор illuminatur – светящийся доктор, доктор seaphicus – любвеобильный, влюбленный докто. Себя бы я причислил к докторам seaphicus. В Средние века звания раздавались не столько ученым, сколько ученым людям, т.е. знающим, как быть, как любить, т.е. как делать человеческие вещи, а не те, которые можно было бы добыть знаниями. Сейчас ВАК «раздает» докторов направо и налево, а Академия наук дает академиком не всегда тому, кому надо. Это к вопросу о том, почему я еще не академик и даже не член-корреспондент. Не потому, что я хуже других, которые эти звания получили, а потому, что дают те, которые знают, кому давать, чтобы не слишком отличались от них, чтобы было о чем поговорить друг с другом.

По поводу самоощущения не могу сказать, лучше или хуже я себя ощущаю, потому что каждый момент мне нравится что-то. Поэтому каждый раз я должен соответствовать этому моменту. По видимому, нельзя быть в один момент немного хуже, а в другой – немного лучше. Скорее в твоей жизни могут происходить разные события, за которые потом может быть стыдно, а от этого застраховаться в нашем мире очень трудно.

Ю.М.: Если отвлечься на время от Вашего собственного образа «Я» и попытаться оценить себя со стороны, то каков Ваш взгляд на «феномен Рабиновича» в научной и культурной жизни России? Стереотипные фразы «внес вклад» или «оставил заметный след» как-то не вяжутся к оценке Вашей личности и творческой деятельности.

В.Л.: Скажу так: Рабинович Вадим Львович любит наблюдать и иметь дело со словом творимым, которое он понял лично, и со словом творящим, которое он творит, а оно творит его. Для меня самое главное – это, конечно, жить словом и в слове, это нечто иное, чем жить деятельно. Поскольку не зря сказано, что «вначале было слово», а это не простое провозглашение идеалистического взгляда на мир, это значительно глубже. Я думаю, что вначале было даже не слово, а до-слово, пред-слово, т.е. вначале был гул, или ритм, или музыка.

Действительно, когда мы читаем «Бытие», где говорится о Боге, – это первый стих, первый день божественного творения. А Земля до этого была совершенно пустая и безлюдная, Божий Дух еще носился над ней – вот что было вначале. Но на это никто обычно не обращает внимания, а потом это трансформируется таким образом, что Бог создал мир из ничего, хотя в Библии об этом не сказано ни разу. «Из ничего» нет такого понятия, это потом периодически перефразировали, что Бог создал мир из ничего. Но ведь «материал все время чувствуется». Поэтому было что-то такое и раньше, а именно – «Дух Божий, носящийся над водами», метафора, обозначающая ветер, издающий гул. В моем случае, жить – это всегда быть при начале, всегда находится в точке начинания чего-то нового, а не результата. Как говорят: «Результат – ничто, а процесс – все!»

Ю.М.: Переходя от характеристики Рабиновича как события к со-бытию Рабиновича, позвольте задать Вам следующий вопрос: как Вы понимаете выражения «жить с другими», «жить ради (для, во имя) других»? Кого и на каких условиях Вы впускаете в свой жизненный мир не только как в место, которое Вы разделяете (вольно или невольно) вместе с другими людьми, но и как в пространство, наделенное Вашими личными и значимыми (для Вас и других) смыслами? Существует ли для Вас понятие нормы (норм) человеческих отношений? Кто, по Вашему мнению, ее устанавливает?

В.Л.: Я еще раз подчеркну, что очень неплохо отношусь к себе, но обычно это считается эгоизмом. Но если не уметь хорошо относиться к себе, то нельзя научиться хорошо относиться к другим. Тем более, что я — самый близкий себе в этом смысле человек, поэтому я просто обязан себя любить. При этом я не могу себя любить, не будучи вместилищем многих других, которые были до меня, были при мне, будут моими друзьями, героями моих любимых книг, моих любимых опер и т.д. Чем я более культурен, или чем я более представляю собой «ансамбль» человеческих отношений, перифразируя Маркса, тем больше моя «вселенная». Вот почему я называю себя доктором *segarhicus*.

Ю.М.: Но существует ли критерий отбора людей, которых Вы впускаете в свой мир?

В.Л.: Специальных критериев у меня нет. Я впускаю, как Бог положит на душу в данный момент. Пришел к нам новый заместитель директора в Институт человека РАН, и как бы к нему кто-либо не относился, он мне понравился, он — легкий человек. А первое впечатление самое верное. Я думаю, что не разочаруюсь в нем, зная, что он может быть не совсем идеальным. Это как Бог положил на душу.

Ю.М.: И все же какими нормами Вы руководствуетесь во взаимоотношениях с людьми?

В.Л.: Я не руководствуюсь никакими нормами, потому что норма в отношении к людям мне лично противопоказана, так как норма — это что-то из области работы отдела кадров.

Ю.М.: Но как Вы тогда определяете предательство или плохой поступок?

В.Л.: А здесь не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что перед вами подлый человек. Его и так видно. То есть норм никаких нет, норма всегда интуитивна. В конце концов, норма — это что-то из юриспруденции, науки, а ощущение не из науки, оно из опыта. Бог полюбил человека за его наивность: Он ему велел не есть яблоко, а тот взял и съел, и за это Бог на самом деле любит человека еще больше.

Ю.М.: Меня и, возможно, читателей журнала интересует не только Ваше отношение к людям в его концентрированном выражении, но и Ваше отношение к отношению этих людей к Вам. В какой мере Ваша самооценка зависит от мнения о Вас авторитетных и уважаемых людей? Кто входит в Вашу референтную группу?

В.Л.: Дело в том, что я исхожу из одного принципа (может быть я в этом не оригинален): люблю тех, кто любит меня. Теперь я буду спрашивать: как Вы отнесетесь к какому-нибудь отъявленному негодяю, который к Вам хорошо относится, сделал Вам много хорошего, а на самом деле, он — какой-нибудь палач? Отвечаю. У меня был один такой случай. Человек мне очень сильно помог, потому что я ему сильно понравился, а потом выяснилось, что он был при Сталине палачом в Ростовской области. И вот я начал думать, как же теперь я буду себя вести, если встречу его, должен ли я поздороваться с ним за руку. Мне говорили, что можно не здороваться за руку только с одним человеком, его надо выбрать, а с остальными не нужно, так как два — это уже перебор. И я выбрал одного человека, но незадолго до его смерти мне хотелось с ним помириться и поздороваться, и все к этому шло, но он «опередила» мои добрые намерения. Многие люди для меня индифферентны, и я внутренне с ними не здороваюсь, хотя внешне не подаю вида.

Я бы не хотел называть имена тех, кто в настоящее время входит в мою референтную группу, боюсь ошибиться или посеять рознь между ними и мной. Я могу оказаться в плену сиюминутного настроения и ошибиться. Но должен заметить, что скоро выйдет книга, которую написал я и некоторые другие люди, уважаемые мной, и из которой многое будет ясно. Хотя там самые разные люди: и мои совсем давние друзья, и институтские друзья по первому образованию, и связанные с моей поэтической жизнью, и просто студенты, которым я сейчас читаю лекции. Там, может быть, будет как-то представлена моя личность. Я удивлялся сам себе, что же такое со мной сотворилось, как я получился — и благодатный, и вместе с тем, чертовский.

Ю.М.: Ваш жизненный путь нельзя назвать легким. Вы сами подчеркиваете, что Ваш «путь тернист и витиеват». При этом нельзя абстрагироваться полностью от социально-политического контекста, складывавшегося в разные периоды Вашей жизни в России. Трудно (или легко) ли быть Рабиновичем в научном сообществе, стране в целом? Что влияет на Ваше социальное самочувствие — политическая ситуация, господствующее общественное мнение, отношение к еврейскому вопросу (если таковой для Вас существует), отношения с коллегами по работе, духовная жизнь...?

В.Л.: Для меня еврейский вопрос, безусловно, существует, и не только потому, что я еврей, а вообще национальный вопрос для меня важен. У евреев есть песня, и там есть такое: «Встретимся в Иерусалиме». Это значит, когда два еврея встречаются в диаспоре, то один другому говорит: «Встретимся в Иерусалиме». И я попробовал себе представить такую невероятную ситуацию, что все евреи живут в Иерусалиме и, встречаясь друг с другом, они уже могут сказать свой императив. И тогда мы имеем дело не с евреями диаспоры, а с местными евреями, т.е. с бедуинами. Они перестали быть евреями мечты — встретиться там, поскольку они уже здесь. В этом смысле они не играют особую, богоизбранническую роль, но не в смысле превосходства над

другими, а в культурном смысле, как это делают евреи без определенного собственного места, когда это место где-то там, в недостижимой мечте. В общем, к еврейскому вопросу я отношусь особым образом, и за это меня ни антисемиты, ни евреи не хвалят. Точка зрения заключается в том, что судьба еврейского народа заключается в его диаспоре. Если говорить о выборе места жительства, то у меня была возможность поехать и в Америку, и в Израиль, но я не уехал, и даже не собирался. Потому что здесь мой язык, моя страна, мои друзья, коллеги, мои книги. Здесь проще жить, когда вокруг тебя находятся родные люди.

Ю.М.: Вы пережили много событий и социальных явлений. При этом умудрились остаться самим собой, не раствориться в мирской суете. Как Вам удалось сохранить внутреннюю гармонию и целостность, профессиональное призвание и социальную идентичность? Одним словом, каково Ваше жизненное, социальное и профессиональное кредо?

В.Л.: Вот что мне помогает сохраниться: лег спать и вдруг утром проснулся. Ночь прошла, и начался новый день. Это значит, что каждый раз все начинается сначала, каждый раз все должно быть любопытно, неизвестно, в новинку. Каждый раз мне интересно, а раз интересно, надо «досмотреть это кино». Мое жизненное кредо заключается в любознательности, в ожидании чего-то нового и неизвестного, чем все это кончится. В социальных делах тоже ничего не кончается. Существуют олигархи, чиновники и труженики. Олигархи что-то делают, чтобы заработать деньги, чиновники пытаются, ничего не делая, получать деньги, а труженики просто хотят обеспечить свои семьи, работают и зарабатывают.

Сейчас очень много бизнесменов, чуть ли не каждый второй-третий. Хотя надо для начала развивать средний бизнес. Я лично смотрю на жизнь более оптимистически. Конечно, могут говорить, что сейчас демократия стала хуже и происходит централизация власти и т.п., но в целом все равно все лучше, чем было раньше. Я не ругаю советскую власть и никогда не встраивался в эту песню. На мой взгляд, советская власть создала великую культуру, и если мы ее забудем, то очень многое утратим. В культурном плане из нашей жизни ушло много радостей, и особенно радость речи, а речь — это не то же самое, что язык. Язык — более стабильная субстанция, а речь — более живая и динамичная. И в этом смысле речь более радостна, чем язык. При сохранении правил и нормативности языка утрата радости речи равна утрате радости жизни. А обеднение языка — большая беда для культуры.

Ю.М.: Несколько вопросов с «почему» по поводу Вашего социального признания (или непризнания). Разумеется, это не главное в Вашей жизни, но все-таки. Почему Вы до сих пор не академик РАН? Все данные для этого у Вас есть. Почему Вы не «заслуженный» работник науки, искусства и пр.? Вы ведь известный российский ученый, поэт и писатель, мастер слова. Почему Вы не большой начальник в научном сообществе? У Вас, несомненно, имеется талант органи-

затора науки. Почему такие яркие и самобытные люди, как Вы, не находят должного (с нравственной точки зрения) признания в обществе? Здесь действуют социальные механизмы унификации («будь как все») и усреднения («не высовывайся») личности в группе или скрывается что-то глубинное, корнящееся в недрах подсознательного окружающих Вас людей?

В.Л.: Вопрос по поводу академика для меня не является болезненным, хотя трехкратное избрание меня в члены-корреспонденты на меня произвело тяжелое впечатление. Я мог бы на это не обращать внимания, но я — человек земной и т.д. Если Маркс сказал, что «ничто человеческое ему не чуждо», то я бы сказал более парадоксально — «не все человеческое мне чуждо». Мне хотелось бы быть и членом-корреспондентом, и даже академиком. Считаю, что я все это заслужил с точки зрения общего критерия, а не с точек зрения частных... Сама процедура выборов унижительна, если только не смотреть на нее легко; она не демократична и не совершенна. Вот я работаю, например, в Российском институте культурологии, а там недавно проводились выборы в Ученый совет. Должен заметить, что я человек резкий, могу и выступить нелицеприятно. Свое мнение особо не прячу, т.е. на профессиональном поприще я говорю то, что думаю, а не то, что хотят услышать от меня другие. Вообще неприятелей у меня, казалось бы, должно быть много. Голосование было тайным. При это имеется специальная квота, т.е. люди, которых автоматически назначают — заместителей директора, ученого секретаря. Остальных же выбирают на общих основаниях тайным голосованием. При этом выдвигают кандидатов раза в два больше, чем полагается. Так, из всех кого выбирали, я получил больше всех голосов. В общем, если бы в Академию наук меня выбирал коллектив института культурологии, то возможно шансов у меня было бы значительно больше. Если говорить о «заслуженном деятеле науки», то про это звание я уже забыл, а вот звание «заслуженного работника культуры» мне предлагали, но я отказался, потому что сокращенно оно называется «засрак». У меня есть и другие звания — Член Русского Пен-центра, Член Международного Пен-клуба (элитная правозащитная организация), Член Исполкома Русского Пен-центра.

Ю.М.: У меня был уже вопрос по поводу того, почему Вы не стали большим начальником, тем более Вы обладаете талантом организатора. Вы ответили, что не являетесь властной натурой. Этим ли продиктован Ваш выбор или есть другие причины?

В.Л.: Конечно же, есть и другие. Я считаю, что это — не главная моя способность. Думаю, что нужно делать то, что другие до тебя не сделали. Вот я занимаюсь гуманитарной наукой и не скажу, что открываю Америку, но вот тбк, как я делаю свою работу, не делает ее больше никто. В силу моих способностей. Для меня творчество приоритетно. Именно от него я получаю наибольшее удовольствие и не могу передать свою науку никому.

Ю.М.: Вадим Львович! Чем (и при каких жизненных обстоятельствах) Вы готовы пожертвовать ради сохранения собственного образа жизни, идейных убеждений и ценностей? Каков предел Вашей социальной уязвимости?

В.Л.: Я скажу, чем я не готов поступиться. Я считаю для себя невозможным поступиться собственным стилем, собственным текстом, т.к. моя сверхзадача, сверхзамысел состоит в том, чтобы устную речь проговаривать мысленно, а потом записывать, чтобы достичь максимального тождества своей внутренней речи с речью внешней, письменной. Понятно, что полного тождества невозможно достичь, но я ставлю это своей задачей, чтобы обертона моей речи были слышны. До конца это теоретически невозможно, но приблизиться к этому я бы хотел. К чему и стремлюсь. И вот такое таинство желаемого тождества я считаю для себя очень важным. Это почти всё, чем я не могу поступиться.

Ю.М.: Вы бы могли, например, терпеть унижение другого человека в Вашем присутствии?

В.Л.: Никогда, потому что это противоречит моему стилю жизни. Я признаю за другими их право на самоидентичность и самоидентичность. Меня это очень оскорбляет и особенно тогда, когда человек сам не может за себя заступиться. Приходится это делать мне, чего бы это ни стоило. Мне все время приходится заступаться за кого-либо. Поэтому я социально ориентирован.

Ю.М.: Обратимся теперь к общественной составляющей Вашей жизни. Что и в каких случаях побуждает Вас участвовать в социальной и политической жизни страны? Вы считаете себя в большей мере «слугой общества» или выразителем особой идеи (миссии)? Каковы Ваши идейно-политические предпочтения?

В.Л.: Ни выразителем миссии, ни слугой общества я себя не считаю. Я так живу, по-другому не могу, т.к. я все-таки человек социальный. А понятия социальной ответственности и совести взаимосвязаны для меня, т.е. они должны быть таковыми, чтобы себя не мучить, что я что-то не так сделал или, наоборот, через чур так. Это не значит, конечно, что я готов идти на амбразуру. Но когда я не мог поступить иначе, например, не мог не написать стихотворение «Ночные гости» после вторжения наших войск в Чехословакию, то иду на это. Стихотворение опубликовали в Чехословакии, хотя специально я его туда не посылал. Я очень остро реагирую на то, что происходит в моем окружении. Я — непрофессиональный диссидент.

Ю.М.: Вы как-то очень верно сказали в интервью, я постоянно на него ссылаюсь в каких-то своих выступлениях, что у нас нет гражданского общества. Мне кажется, наше будущее будет таким же плачевным до тех пор, пока мы это общество не сформируем и потом можно только говорить о политических партиях (либеральных, социал-демократических и т.д.). Несмотря на отсутствие такого общества, Вы причисляете себя к нему хотя бы виртуально, символически?

В.Л.: Хотел бы я жить в гражданском обществе, быть гражданином правового государства. Я себя считаю гражданской, суверенной личностью. Для меня

гражданское общество — это союз суверенных личностей, объединенных личными интересами, ценностями и т.д., но выходящими за пределы их эгоистического существования в мир универсальных ценностей. Но именно на базе этих ценностей можно обеспечить приемлемые условия жизни каждой личности.

Ю.М.: Труд ученого индивидуален, как индивидуальны его научная картина мира, стиль исследований и написания текстов, публичных выступлений и пр. Что Вы вкладываете в понятие совместной научной деятельности? Возможна ли, по Вашему мнению, кооперация между равными по творческому потенциалу учеными? Или это всегда (или почти всегда) работа мастера с подмастерьями науки?

В.Л.: Наука сейчас стала столь огромным общественным институтом, что не говорить о коллективном труде было бы просто нелепо. Но все же науку двигают индивидуальные исследователи. Периодический закон Менделеев открыл сам. Но все его предшественники, каждый из них, был индивидуальным открывателем той или иной конфигурации периодичности, каждый из них был индивидуальным человеком. Но все они опирались друг на друга, помогали и т.д.

Ю.М.: На протяжении всей своей профессиональной деятельности Вы занимаетесь преподаванием. Что привлекает Вас в работе со студентами и аспирантами:

- 1) потребность иметь своих учеников и последователей и, в конечном счете, собственную научную школу;*
- 2) возможность проводить свои творческие идеи и замыслы;*
- 3) желание выразить себя в диалоге с еще (или не совсем) неиспорченными молодыми людьми, открытыми ко всему новому.*

В.Л.: Скорее всего третье, потому что для меня каждое занятие — это некоторый спектакль. Я даю слово всем. Для меня это ни в коем случае не дидактика, а всегда практика. Лекции провожу только в диалоге после своего маленького вступления.

Ю.М.: И в заключение нашей встречи хотелось бы задать Вам такой вопрос: главный труд Вашей жизни уже написан или еще нет?

В.Л.: Думаю, что еще не написан, но уже задуман.

Ю.М.: Вы ведь не можете назвать себя человеком одной-двух книг?

В.Л.: Дело в том, что если вы видели брошюру обо мне, то вы могли обнаружить, что единицей научного труда для меня является устная речь. Вот там находится мое ноу-хау. Устное сообщение, выступление — это мобильная единица моей научной жизни. Это первое. Второе. Это — мои статьи. И последнее — монография, которая складывается из ряда публикаций. Это уже авторская технология. Монографий у меня всего 4–5 штук. Могло быть, конечно, и больше. А вот статей более 600. Сейчас у меня в работе находится несколько монографий, некоторые из них уже готовы.

Ю.М.: Вадим Львович, благодарю Вас за интересные и содержательные ответы.

В.Л.: И Вам спасибо.